

В девяносто третьем году у меня родился первый сын. Жена сидела с ним дома, денег было совсем мало, и я хватался за любую халтуру, которая подворачивалась.

Подрабатывал уборщиком в школе... Гардеробщиком в открытом бассейне... Ну и, конечно, школьников всюю готовил к поступлению в институт.

Помню, одна десятиклассница меня огорошила деловым предложением:

- Вот вам папка платит четыре тысячи за занятие, давайте я буду платить шесть, только чтобы не приходиться...
- Не, – отвечаю, – что-то не очень мне нравится такой поворот дела.
- А какая ваша цена? – мгновенно отреагировала она.

Однако лучше всего запомнились мне те подработки, которые время от времени подкидывала подруга детства Жанна.

Когда-то мы с ней вместе отдыхали в пионерском лагере, потом учились на филфаке, а в девяносто втором году она устроилась сразу на две работы – в некоторую нефтяную компанию, возить русских бизнесменов для переговоров во Францию, и в одну отечественную турфирму в качестве переводчицы для иностранцев, желавших насладиться созерцанием бескрайних просторов нашей с Жанной родины.

Моя подруга прекрасно говорила на четырех языках, а мне предназначалась в этих поездках роль «мужчины на всякий случай» и «прислуги за всё», на которую я каждый раз с удовольствием соглашался. Платили отлично, да и за границу я впервые в жизни, если не считать службы в армии в ГДР, выбрался именно с Жанной и нефтяником Владиком.

Владика мы с Жанной сразу же прозвали Пупсом, хотя его об этом в известность, конечно, не поставили. Со своими реденькими беленькими волосиками, розовым чисто выбритым лицом и голубыми, чуть навывкате глазами он, казалось, каждую секунду был готов обиженно скривить пухлые губы и горько заплакать. Ситуация сложилась так, что в Париж Пупс должен был прилететь на три часа раньше нас с Жанной. Ехать в отель один он категорически отказался и к нашему с Жанной изумлению заявил, что возьмет такси и будет эти три часа ждать нас у выхода из аэропорта в машине – никакие уговоры не помогли. Когда мы нашли его, преодолев паспортный контроль и таможню, они с испуганным таксистом молча сидели в темном автомобиле.

К моей радости, французы обеспечили Пупсу, а значит, и нам с Жанной роскошную культурную программу. Впрочем, он на прелести Парижа, на всех этих Джиоконд и Олимпий, реагировал вяло и оживился только один раз, когда наш прогулочный катер должен был развернуться на Сене и для

этого ему пришлось заплыть в какой-то промышленный район.

– О, глянть, труба, один в один, как у нас в Сургуте!

Ну-ка, Олержка, шелкни нас с Жанкой на память!

При этом на переговорах, как мне рассказывала Жанна, Пупс вел себя умно и цепко, французы только ежились. И в последний вечер в гостинице он меня мастерски напоил буквально за десять минут, верно рассчитав, что таким образом освободится от дуэньи при своей красавице-переводчице. Наутро я проснулся у себя в номере с адской похмельной болю и сверлящей мыслью в голове: «Всё! Не справился я со своей миссией! Зачем только меня Жанна с собой брала?» Она меня, однако, вскоре успокоила.

Оставшись с Жанной практически наедине (я уже был не в счет), Пупс тихо спросил:

– Ну что, пойдём ко мне?

– Нет, не пойдём... – так же тихо, но твердо ответила она.

«Тут у него на лице, – с некоторой обидой сказала мне Жанна, – появилось выражение “программа выполнена, попытка была предпринята”, и мы потом до утра лениво играли в пьяницу гостиничными картами...»

После возвращения в Россию Пупс раза три звонил мне ночью домой по междугородней линии и делился всякими своими нефтяными и семейными проблемами (жена моя страшно злилась), а еще через пару лет Жанна с грустью сообщила, что Пупса вместе с водителем конкуренты взорвали в Сургуте прямо в его «мерседесе».

Теперь для симметрии нужно, наверное, вспомнить историю про самое яркое путешествие с Жанной и иностранцем по России.

Пожалуй, расскажу вот о чем. Однажды мы повезли в город Смоленск очень уже старенького немца, имя которого я напрочь забыл, а Жанне звонить лень. Ну, пусть будет – герр Шульце. Он почему-то очень боялся ехать на поезде, и нам четвером с водителем пришлось тащиться по страшным российским колдобинам в обшарпанной черной «Волге», которая, разумеется, сломалась километров за семьдесят до Смоленска в чистом осеннем поле. Оставив водителя тихонько материться под автомобилем, мы втроем решили немножко размять ноги и прогуляться до деревни, видневшейся сразу за краем поля. На подходе мы вдруг услышали: «Тпру-ру!» Это нас догнала запряженная понурой лошадкой телега с сеном, которой управлял немолодой, добродушный и, как тут же стало ясно, весьма болтливый дядька. Он нам предложил, пока машина

чинится, перекантоваться у него в избе – немножко выпить, закусить, ну и поговорить, понятное дело, «что же, мы не русские люди, что ли?».

Спустя двадцать минут мы с Жанной уже вели с дядей Васей (так звали нашего щедрого хозяина) неторопливую и содержательную беседу под домашнюю колбасу, подогретую вареную картошку и мутноватый самогон.

– А что это, я извиняюсь, товарищ ваш все время молчит? – доброжелательно поинтересовался дядя Вася и ткнул корявым пальцем в заметно напрягшегося герра Шульце.

– А товарищ наш, я извиняюсь, немец, по-русски ни слова не понимает, – объяснил я.

– Что же вы сразу не сказали? – хлопнул себя по ляжкам дядя Вася.

Затем он ловко разлил по стаканам новые порции самогона, не без труда поднялся на ноги и провозгласил торжественный гост:

– За Гитлера!

Мы все поперхнулись, а дядя Вася лихо опрокинул полстакана себе в рот.

Уже в машине, после долгих и долгих уверений герр Шульце, кажется, все-таки поверил, что дядя Вася не был престарелым русским пази, а просто хотел сделать для милого немецкого гостя что-нибудь приятное.

Между прочим, в итоге выяснилось, что герр Шульце стремился в Смоленск вовсе не с туристическими целями. В войну он был минером и, покидая с немецкой армией этот город в 1943 году, закладывал взрывчатку под одну из местных церквей – там располагалась их радиоточка. И вот спустя пятьдесят лет, в знак покаяния, герр Шульце привез в Смоленск и на наших глазах передал оторопевшему священнику той самой церкви две тысячи марок, специально скопленных для этой цели.

Вот почему он, собственно, и был на протяжении всей нашей поездки таким осторожным и молчаливым.

В течение некоторого времени один из наших семейных альбомов украшала фотография: смеющаяся Жанна, я и грустный герр Шульце возле Успенского собора в Смоленске, а потом это фото вместе с альбомом тихо кануло в Лету.

